

Александр АМФИТЕАТРОВ

БЕЛЫЙ ОХОТНИК

Летняя фантазия

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Александре Валентиновне

ПАССЕК.

Это случилось в июльское полнолуние 1883 года.

Я был в гостях у моей соседки по имению, Зинаиды Петровны Берновой, праздновавшей в тот день свое рождение.

Когда гости собрались прощаться, уже совсем свечерело. Кто, по настоянию хозяйки, остался ночевать, кто отправился восвояси. К числу последних примкнул и я.

До моей усадьбы считалось от Берновки что-то около трех верст; дорога шла полем и, только близ самого моего дома, пряталась сажень на двадцать, на тридцать, в густой березняк - начало громадного казенного леса, покрывающего своей пущей добрую четверть Л-ского уезда. В наших местах не шалили; про волков тоже не было слышно, да летом они и не опасны; на всякий случай у меня в кармане лежал револьвер. Сообразив все это, я отверг любезное предложение Берновой снабдить меня экипажем и пустился в путь пешком.

Ночь была дивная. Луна успела высоко взойти и все еще поднималась по небу. Берновка стояла на сухом холме, но, минув ее околицу, я вступил в полусвет, полусумрак густого тумана, слегка посеребренного месяцем. Стало довольно свежо для июля, - впрочем, после ужина с достаточным количеством выпитого вина, после толкотни в душных накуренных комнатах, маленький холодок был даже приятен.

Я шел и думал о странных вещах, бывших несколько минут тому назад предметом общего разговора у Зинаиды Петровны. Мы беседовали о медиумических явлениях и главным образом о духовидении. Почти все гости рассказали по два, по три случая, более или менее подходящих к привлекательной теме.

Большинство рассказчиков хлестаковски импровизировало свои повествования, но некоторые казались искренними. Я молчал все время, хотя, если бы жалел, мог сообщить много небезынтересных фактов. Летопись нашего старинного рода полна таинственными происшествиями.

Между моими предками были странные люди.

Мой прадед, Никита Афанасьевич Ладынь, - самый крупный из этих чудаков: богач - вельможа XVIII века, он всю свою девяностолетнюю жизнь возился с магами, заклинателями, дружил с Сен-Жерменом, Калиостро, Месмером и едва ли не принадлежал к розенкрейцерской ложе. Сын его Иван Никитич, страстный ориенталист, провел свою молодость в странствиях по Азиатским землям и вернулся в цивилизованные края человеком как бы не от мира сего, одаренный способностью ясновидения и редкою магнетической силой. Он умер 22 марта 1832 года, в один день и час с Гете, которому был приятелем при жизни, и, говорят, предсказал это совпадение за день до кончины. Мой отец, человек с трезвым умом и положительным характером, имел, как он выражался, психический изъян: он страдал галлюцинациями слуха и зрения. Приписывая свою болезнь наследственности от фантастов - предков, отец приложил все усилия, чтобы ослабить ее влияние на следующие поколения. Благодаря этому я получил самое материалистическое воспитание, рассудочное в ущерб воображению.

Я был тверд во внушенных мне правилах и до двадцати лет не проявлял особой нервности. Затем меня стали посещать припадки панического страха.

Мне внезапно делалось жутко быть одному, перейти в другую комнату, стоять